

Цин Шу получил сообщение от Хун Лана и узнал, что долгожданное свидание соседа в итоге сорвалось. Следом пришло ещё одно: юноша объявлял, что намеревается топить горе в алкоголе и заливать тоску в каком-нибудь ночном клубе... Прочитав это, Цин Шу без лишних раздумий отложил телефон, живо подбежал к прихожей и пару раз прокрутил замок, запирая дверь изнутри.

Он мысленно сжал кулак в победном жесте: отлично, теперь его ждёт благословенная тишина и ни одна бытовая мелочь не отвлечёт от дел.

Из гостиной доносился гудёж телевизора, а тёплый оранжевый свет, падавший в коридор, придавал квартире давно забытый уют.

Едва переступив порог, Цин Шу обомлел: гигантский змей развалился на диване в донельзя вальяжной позе — выставив брюхо кверху и задрал голову. Кончик его хвоста с ритмичным постукиванием подрагивал в воздухе, точь-в-точь как закинутая на ногу нога у какого-нибудь господина.

Первой мыслью Цин Шу было, что чешуйчатый решил припомнить ему старые обиды. Мол, до сих пор дуется из-за истории со змеиным террариумом и демонстративно капризничает.

Однако, переведя взгляд на экран, он тут же отказался от этой догадки.

Шла старая гонконгская криминальная драма — с перестрелками, разборками и суровым мафиозным боссом.

На экране колоритный мужик средних лет в тёмных очках, излучающий бандитское обаяние, развалился в роскошной VIP-ложе. Раскинув руки по спинке дивана и взгромоздив ноги на стол, он восседал хозяином положения.

И Змей явно решил вступить с ним в заочное соревнование. Голову он задрал настолько высоко, что, казалось, смотрит на мир исключительно ноздрями, а хвост заколотил по обивке дивана с ещё большей ретивостью — гулко и ритмично.

Азарт и соперничество просыпались в этом чешуйчатом создании в самых неожиданных ситуациях. Стоило в каком-нибудь фильме появиться симпатичному парню, над которым вздыхают второстепенные персонажи, как Змей издавал фыркающий звук и всем своим видом показывал крайнее презрение, изощряясь в демонстрации собственного превосходства...

Вот и сейчас он явно считал, что мафиози в чёрных очках — мелкая сошка, а настоящей аурой теневого владыки обладает только он, Николас Цесаревич-Змей!

— Господин Змей, не желаете ли сигару? — едва удерживаясь от смеха, с подвохом спросил Цин Шу.

В золотистых глазах рептилии проскользнула сложная гамма эмоций: ровно три доли насмешки, две доли презрения и одна доля полного равнодушия. Он даже не шелохнулся. Цин Шу страстно захотелось запечатлеть этот момент на фото, пририсовать в редакторе очки с сигарой — получился бы идеальный мем.

Опустившись на диван под бок к чешуйчатому гиганту, Цин Шу принялся то подцеплять пальцем широкие брюшные щитки, то поглаживать слегка отслоившуюся чешую на спине. Руки словно жили собственной жизнью — ему не сиделось спокойно ни секунды.

Змей терпимо относился к этим манипуляциям. Он лишь мысленно вздохнул, не без гордости отметив: до чего же этот двуногий к нему привязался! Ну что за липучка... Того и гляди, подумают, будто у солидного змея выросла личная человеческая опухоль.

Цин Шу потихоньку теребил чешую, чутко подмечая малейшие реакции своего питомца, и в итоге едва удерживался от удивлённого возгласа.

Похоже, Змей действительно забыл утреннюю историю, когда его заперли в комнате.

А ведь Цин Шу был уверен: при такой-то мстительности рептилия обязательно устроит скандал или затребует солидный откуп...

Приготовивший целый арсенал уловок для умиловливания драконоподобного сожителя, Цин Шу растерянно смотрел на чешуйчатого мафиози, не зная, куда девать свои заготовки.

Тем временем Змей, увлечённый просмотром фильма, неожиданно почувствовал лёгкий сквозняк. По чешуе пробежали мурашки, и он, не долго думая, поддел пастью аккуратно сложенный днём плед. Половину накинул на себя, а оставшийся край подтолкнул к Цин Шу, аккуратно опустив ему на колени.

Ткань была невесомой — на ноги лёг лишь самый уголок, словно упавшее птичье перо. Но в то мгновение, когда мягкий край коснулся кожи, Цин Шу ощутил, как к горлу подступает волна тёплой, невольной улыбки.

Он ласково почесал открывшийся змеиный подбородок и поднялся с дивана, чтобы приготовить чешуйчатому господину ужин.

Пока рептилия уплетала угощение, Цин Шу вымыл и продезинфицировал посуду. Вытерев руки полотенцем, он отправился к себе в комнату.

Выдвинув стул из-под письменного стола и отодвинув ноутбук подальше, он достал простенький чёрный блокнот за пять юаней и наугад открыл чистую страницу.

Гелевая ручка привычно закрутилась между пальцами. Сделав несколько произвольных

оборотов, Цин Шу с видимым усилием вывел на белоснежном листе ключевое слово: «Цветистые кальсоны».

Стоило ему попытаться сосредоточиться на этой теме, как мысли немедленно наливались свинцом и застывали, точно густая ртуть.

Цин Шу ощутил себя впавшим в маразм стариком, который сидит в кресле-качалке и мучительно мусолит в голове базовые вещи: как его зовут, обедал ли он сегодня и вообще — кто он такой?..

Едва удавалось ухватить за хвост уплывающую мысль, как вслед за ней тут же двигалась невидимая гигантская стирательная резинка, подчистую уничтожая малейшие зацепки.

Это досаждало.

Но вместе с тем подстёгивало азарт.

Сфокусировав взгляд на блокноте, Цин Шу обнаружил, что чистая страница покрылась множеством тёмных точек, оставленных нервным уколом стержня, и хаотичным переплетением ломаных линий.

Он вновь вернулся к написанной фразе.

Сомнений нет: вспышку в его сознании спровоцировали именно слова Хун Лана про узорчатые кальсоны. Значит, юноша видит вещи в их истинном свете, и его восприятие не искажено.

Искажение кроется в нём самом.

Под воздействием некоей неведомой силы его собственные чувства отказываются замечать то, что явно выходит за рамки нормы.

Жуткое осознание. Это всё равно что проснуться однажды и не заметить, как отец превратился в Шрека, а мать — в зелёного слайма. И спокойно усесться всей «семьёй» за ужин, как ни в чём не бывало беседуя о работе и учёбе, искренне полагая, будто родители всегда и были парочкой монстров.

Цин Шу не понимал причин этого феномена.

Он вывел на бумаге несколько набросков и предположений, а затем обвёл их несколькими жирными кругами и поставил три больших вопросительных знака.

Переложив ручку в правую руку и подперев щеку левой, он стал мерно постукивать стержнем по бумаге, переходя ко второй странности, которую успел подметить.

А именно — смоляной, непроглядно-чёрный оттенок, проглянувший из-под сброшенной Змеем старой кожи.

Глубокая, завораживающая тьма, способная поглотить саму душу, если всматриваться слишком долго. А поверх тёмной чешуи переливался таинственный глянец...

Эта мысль возникла у него не впервые.

Когда-то он уже испытывал нечто подобное. Словно ребёнок, никогда не видевший снега, просыпается среди ночи и замечает за окном побелевшие крыши: даже если само воспоминание сотрётся, след от пережитого изумления навсегда останется в глубине сердца.

Зацепившись за эту нить, Цин Шу изо всех сил пытался раскрутить её дальше.

Ощущение было такое, будто он пытается вручную отыскать монету в один юань, рождённую на дне бескрайнего океана — отчаяние подступало к самому горлу, искушая бросить всё. В блокноте появлялись всё новые беспорядочные росчерки, но взгляд Цин Шу, устремлённый на тёмные чернила, постепенно терял фокус, уходя куда-то в неведомую глубину.

Перед глазами мельком проскользнул смутный образ.

Скучно освещённое, мрачное помещение. И незабываемый змеиный хвост, гибкий кончик которого выписывает на полу изящную дугу, мерцая едва уловимым глянцевым блеском...

Внезапно видение рассыпалось на мелкие осколки. Взгляд Цин Шу окончательно остекленел. Написанные слова и сбивчивые каракули на бумаге начали таять, точно втягиваясь обратно в стержень ручки, пока страница снова не стала ослепительно чистой.

В открытый проём тихо скользнуло длинное тёмное тело. Ледяные золотистые глаза уставились на сидевшего за столом растерянного человека.

«Человек...»

Мелькнул тёмно-алый раздвоенный язык. Змей подобрался ближе к Цин Шу и чуть приподнял голову, разглядывая его.

«А ты молодец. И то, что ты до сих пор жив-здоров, и то, что сумел докопаться до сути исключительно своими силами...»

Змей чутко уловил, как окружающая реальность начинает искажаться. Свет померк, современные напольные плитки сменились древней, потрескавшейся кладкой, в швах которой зеленел скользкий мох.

Всё та же высокая башня. Единственное узкое окно, за которым шумит под порывами ветра море зелёных крон.

С той лишь разницей, что на этот раз у стрельчатого проёма стоял человек. Смахнув с трещины в каменном подоконнике сорные травинки, он поднял на рептилию живые, лучащиеся светом глаза. На губах его заиграла хитрая усмешка — так улыбается тот, кто только что одержал небольшую победу в опасной игре:

— И снова здравствуй, господин Змей.

— Человек, — с нескрываемым интересом прошипел Змей, выступая из полумрака. — Открой секрет, как тебе это удалось?

— Прежде чем я отвечу, ты должен договорить то предостережение, на котором мы остановились в прошлый раз, — Цин Шу вдруг слегка смутился и отвёл взгляд. Расстегнув собственную куртку, он заботливо накинул её на плечи приблизившегося Змея. — Вот. Теперь можно нормально поговорить.

<http://bllate.org/book/19679/1946638>